Колочкова О. В.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/27.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 70-72. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

явления «общеязыковые», стимулируемые социально-общественными законами и потребностями «социума».

XIX век в сравнении с XX в. характеризуется в языке сохранением усложненных, главным образом, сложноподчиненных структур. Неудивительно, что случаи безглагольного оформления затрагивают прежде всего эти структуры, в них как бы «изнутри» складываются предпосылки к упрощению, сокращению, сначала наиболее громоздких конструкций, а затем и менее объемных, поскольку опущение в основном частично десемантизированных вспомогательных глаголов при соблюдении некоторых структурно-семантических ограничений становится «удобным», способствует и совершенствованию способов «безглагольности», и расширению их сферы.

XX век, по мнению большинства лингвистов, отмечен существенными многоаспектными преобразованиями языковой системы, в частности, изменениями в структуре предложения: его организации, объеме, степени усложненности. Естественным образом интегрируя в себе качественные изменения, происходящие на всех остальных языковых уровнях, они становятся едва ли не центральным фактом языкового развития.

Наиболее заметное явление этого порядка - это «упрощение» предложенческих структур, их тяготение к «простым» формам, приведшим к фронтальному отступлению сложноподчиненных предложений и довольно значительному сокращению даже простого цельного предложения.

Существенным моментом в ряду языковых сдвигов на данном этапе явился также отмечаемый многими учеными «процесс номинализации», заключающийся в преобладании существительных над глаголами и в укреплении позиций безглагольных предложений. Будучи в структурном отношении явлением неоднородным, безглагольность реализует это свое свойство в разных типах по-разному: от полностью безглагольных (номинативные предложения) - до предложений, частично сохранивших формальные элементы «глагольности». Однако независимо от этого все типы безглагольных предложений выступают реальным воплощением выше означенных тенденций.

Список использованной литературы

1. **Тимофеев, Л. И.** Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. - М.: Просвещение, 1976. - 448 с.
2. **Marhold, H.** Impressionismus in der deutschen Dichtung / H. Marhold. - Frankfurt um Mein (Bern)-New York, 1985.
3. **Mauthner, F.** Beiträge zur einer Kritik der Sprache. 1-3 Hildesheim / F. Mauthner. - Olm, 1967-1969. - 663 S.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Колочкова О. В.
Санкт-Петербургский государственный университет

Антитеза имени и глагола была осознана ещё в античности, то есть споры по поводу «глубинной сущности» данных категорий ведутся уже многие века как в философии, так и непосредственно в науке о языке, и вновь и вновь это приводит к постановке таких фундаментальных вопросов, как «Является ли первообраз слова именем или глаголом?», «Каков изначальный характер говорения?», «Каково происхождение языка?» Уже Платон и Аристотель учили об имени и глаголе как о двух главных частях речи. В XVIII в. эта теория была воспринята и русской грамматикой, которая «преобразовала» её следующим образом: из древнего амбивалентного имени, отражающего синкретизм мышления первобытных людей, постепенно выделились:

- *имя* - для называния предметов материального мира (позднее для выражения любых отвлечённых представлений о них);
- *глагол* - некий атрибут, позволяющий говорить о том, что в речи выражено неопредмеченно.

На этой почве сложилось своеобразное **учение о глаголе как о центральной категории языка,** присвоившей себе основные формы и функции других грамматических категорий (в широком смысле) и создавшей свои особые «колонии» в области всех главных частей речи (кроме имён числительных и местоимений как «замкнутых» классов слов). Таким образом, открывались два грамматических пути в отношении современного состояния языка:

1) выделить из глагола группу форм, наиболее далёкую по своему строю от имён (личные формы), и объявить их особым грамматическим классом. Все остальные глагольные формы отходили к другим частям речи (Ф. Фортунатов);

2) создать своеобразную философию глагольности. Этот путь был намечен ещё М. В. Ломоносовым, А. Х. Востоковым, Ф. И. Буслаевым и проторен А. А. Потебнёй в его фундаментальном труде «Из записок по русской грамматике», где учёный, опираясь на взгляды своих предшественников, создал оригинальное учение об исторической эволюции основных категорий языка и мышления. Глагол, по А. А. Потебне, - это высшая, наиболее отвлечённая и прогрессирующая категория языка, а история глагола - история вытеснения им имён с основных грамматических позиций, история роста глагольных типов предложения за счёт уменьшения количества именных.

Не угасает интерес к категории глагола и её соотношению с системой имени и в языкознании второй половины XX - начала XXI в. До сих пор, исследуя данную проблему, многие учёные пытаются свести её решение к анализу связей, возникающих между субъектом и предикатом, подлежащим и сказуемым (зачастую

чётко не отграничивая один уровень от другого), то есть к анализу разных «типов предикации». Ниже приводится таблица, в которой мы систематизировали 4 классических современных подхода к рассмотрению отношений между глаголом и именем (в широком смысле):

Традиционная «типология предикативных отношений»

Оппозиция	***Уровень***	***Типы предикативности***
подлежащее - сказуемое	синтаксический	«лексическая предикативность» (А. И. Смирницкий) / «грамматическая предикативность» (В. Г. Адмони) / «сказуемость» (А. М. Пешковский)
имя [существительное] - глагол	морфологический	анализ набора грамматических категорий
субъект - предикат	логический	«логическая предикативность» (И. П. Распопов)
тема - рема	коммуникативный	«психологическое подлежащее» и «психологическое сказуемое» (А. А. Потебня) / «коммуникативно-индивидуальная предикативность» (В. Г. Адмони)

Действительно, так или иначе эти четыре оппозиции тесно взаимосвязаны (ср., например: «… когда речь идёт о глаголе, приходится всё время иметь в виду, что он выступает в позиции сказуемого» [Мещанинов 1983: 7]), однако о прямой зависимости, а тем более о тождестве, на наш взгляд, здесь говорить не приходится. Рассмотрим подробнее соотношение данных рядов.

Существует множество определений предложения, данных с разных точек зрения, однако все лингвисты сходятся в одном: предложение - это, прежде всего, законченная («окаменевшая») мысль. При этом возникает вопрос: ***что такое мысль?*** Традиционный ответ на него: «Мысль - это *результат* мышления», однако, на наш взгляд, данное определение требует существенного уточнения: «Мысль - это условная единица мышления, искусственно зафиксированная в предложении». *Искусственно* и *единица,* а не просто *результат,* так как мышление - как природная способность человека непрерывно интерпретировать явления окружающей действительности - является процессом недискретным.

Таким образом, можно говорить о том, что мысль всегда актуализирует понимание происходящего через соотнесение неизвестного с известным (=узнавание), то есть имеет бинарную структуру *О Чём? ~ Что?,* где *О Чём?* можно назвать предметом мысли (тема), а *Что?* - тем актуальным смыслом, который данному предмету мысли предицируется в конкретных условиях (рема), причём в *О Чём?* должно быть дано основание того, почему оно требует именно такого *Что?*

Отсюда вытекает следующий вопрос: в какой форме в человеческом сознании существуют *О Чём?* и *Что?* - в форме слов, картинок-образов или чего-то иного? Вероятно, найти однозначный ответ на данный вопрос скорее даже психофизиологического характера, нежели собственно лингвистического, на современном этапе развития науки нельзя, однако, по нашему мнению, можно утверждать следующее: сознание человека полностью языковое в том отношении, что мыслить мы способны лишь «языковыми объектами», то есть использовать в качестве «мыслительного материала» только то, что однажды было познано - названо словом - и закреплено в памяти, а формы мышления могут быть и другими.

Более того, прежде чем произнести *помысленное,* мы обязаны его оформить по законам языка, иначе можем потерпеть коммуникативную неудачу. В этом смысле язык расчленяет мысль на отдельные слова, модифицируя (иногда до неузнаваемости) тот смысл, который мы желали передать вначале (ср.: «Я не то хотел сказать…»). Итак, теперь мы имеем дело с конкретным высказыванием, в котором, используя синтаксический инструментарий языка, уже можем выделить подлежащее и сказуемое, то есть данная операция нахождения грамматической основы предложения вторична по отношению к «высказанной мысли», это собственно научная процедура, целью которой является установить новые - вербализированные - *Что?* и *О Чём?,* необязательно совпадающие с первоначальными.

Однако очень часто в русском языке встречаются не «идеальные» двусоставные предложения, а всякого рода неполные (особенно в разговорной речи) и односоставные, то есть такие структуры, в которых наличествует лишь *Что?,* какая-то коммуникативно релевантная информация. Исходя из такого положения дел, можно задаться следующим вопросом: где в таких конструкциях *О Чём?* Очевидно, что оно где-то должно быть, так как признак чему-то нужно предицировать, таким образом, можно говорить о том, что в некоторых случаях это *О Чём?* может находиться за пределами мышления, а следовательно, за пределами и собственно языкового контекста, однако при этом входить в структуру речевой ситуации (ср., например, предложение: «Принеси мне газету»). Иными словами, необходимо ещё раз подчеркнуть, что мысль в любом случае остаётся двучленной (невозможно присоединить признак к «ничему», точно так же, как не имеет смысла говорить только *О Чём?* без добавления к нему нового смысла) независимо от структуры предложения, которая может включать в себя лишь один из её компонентов.

Следующий уровень анализа отношений между системами имени и глагола - морфологический, или частеречный: «Сказуемое есть член предложения, глагол же относится к частям речи. <…> Сказуемое - это одно, а глагол - это другое. Первое из них относится к области синтаксиса, а второй к области лексики. Правда, лексическая единица находится под влиянием и воздействием синтаксической, но **тождества между ними всё же нет и знака равенства между ними провести нельзя»** (выделено нами - О. К.) [Мещанинов

1983: 8]. Действительно, форма имени существительного для выражения *О Чём?* и форма глагола для выражения *Что?* являются наиболее удобными. Другими словами, говорящему необходимо как можно точнее выделить предмет своего говорения и в то же время подобрать такой глагол, который был бы наиболее ***ёмким*** с точки зрения выражения им смысловых элементов предицируемого признака.

Безусловно, целью любого высказывания является донесение до адресата как можно более точной информации, то есть при помощи языка необходимо выразить мысль (чаще цепочку мыслей), которая, в свою очередь, является отдельным сегментом языковой реальности индивида, то есть той модели мира, которая присутствует в сознании каждого из нас как результат нашего постоянного взаимодействия с окружающей действительностью. А вне человека не существует предметов отдельно от процессов, в которые они вовлечены, и отдельно от свойственных им признаков. Таким образом, соединяя слова в предложения, речь воссоздаёт образы целостных событий, утраченных в языке. А глагол, как «сгусток актуального процессуального содержания», лучше всего подходит для этого: «Содержание процесса заимствуется глаголом из предложения и переносится на глагол как на часть речи. Тем самым получается лексическая обособленность глагола как самостоятельной группы. В то же время выступает неизбежная необходимость использования его в роли только сказуемого и никакого иного члена предложения, так как основное выражение передаваемого высказыванием процесса содержится в предикате» [Мещанинов 1983: 9].

Таким образом, можно говорить о том, что любой процесс, который, как правило, и приписывается предмету мысли как элементу сложно организованной и саморазвивающейся реальности, может быть разбит на несколько «стадий»:

► само действие (акциональный признак);

► состояние, вызванное данным действием (статуальный признак);

► признак, который становится неотъемлемой принадлежностью предмета в результате совершённого (им или над ним) действия (квалификативный признак).

И каждая часть речи (за исключением глагола), становясь в предложении в позицию сказуемого, оказывается способной выражать *лишь одну* «процессуальную стадию»:

- категория состояния - состояние;
- имя существительное и полная форма имени прилагательного - признак;
- причастие (краткая форма страдательного залога прошедшего времени) и краткая форма имени прилагательного выражают нечто среднее между состоянием и признаком предмета (акционально-квалификативный признак).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что ***глагол занимает «особое» положение в ряду других частей речи,*** так как только он способен выражать:

➢ собственно значение действия (ни одна другая часть речи *в той же мере* этого сделать не может);

➢ любую из стадий процесса (при различных комбинациях глагольных грамматических категорий, особенно категорий вида и времени);

➢ все стадии процесса одновременно (ср.: *Он совсем заработался: работает* <действие> → *устал* <состояние> → *сонный* <признак>).

Что же касается «логической предикативности», воспринимаемой многими лингвистами (особенно синтаксистами) в качестве идеальных смысловых отношений внутри предложения, которое, несмотря ни на какие объективные препятствия, чинимые естественным языком, эти учёные пытаются редуцировать до суждения, то здесь, на наш взгляд, стоит говорить о ещё одном, самом верхнем уровне анализа формализованных *Что?* и *О Чём?*

Иными словами, искать логический субъект и предикат целесообразно только в классическом двусоставном предложении, другие же конструкции суждениями не являются, а значит, не имеют права «быть подогнанными» под процедуры логического анализа: «Многие до сих пор держатся того мнения, что логика есть нечто вроде **естественной** истории мышления, что она рассматривает в с я к и е явления мысли по крайней мере со стороны их формы, но в то же время нельзя не признать, что можно мыслить весьма деятельностно и нелогично, из чего следует, что **логика рассматривает такое свойство мысли, которого в мысли может и не быть.** Между тем в этом последнем наблюдении даны пределы логики, переходя которые она перестаёт быть сама собою. <…> **Языкознание, и в частности грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какая либо из прочих наук»** (разрядка - А. П.; выделено нами - О. К.) [Потебня 1977: 69-70].

Список использованной литературы

1. **Адмони В. Г.** Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности // Филологические науки. - М.: Высш. шк., 1960. - № 1. - С. 35-42.
2. **Мещанинов И. И.** Глагол. - Л.: Наука, 1983. - 272 с.
3. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / Предисл. проф. А. Б. Шапиро. - М.: Учпедгиз, 1956. - 7-е изд. - 511 с.
4. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике: В 4-х тт. - М.: Учпедгиз, 1958. - Т. I-II. - 536 с.
5. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике: В 4-х тт. - М.: Просвещение, 1977. - Вып. II. - Т. IV (Глагол). - 406 с.
6. **Распопов И. П.** К вопросу о предикативности // ВЯ. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. - № 5. - С. 70-77.
7. **Смирницкий А. И.** Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя: Сб. ст. / Отв. ред. акад. В. В. Виноградов. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - С. 11-54.